

ников незаметно вырастает в драматичную историю очень непростых отношений двух предельно разных личностей, двух едва ли не противоположных по сути мировоззрений. Совершенно стирается обычно неизбежный глянец взаимной комплиментарности, открывается во всей полноте глубокая самобытность каждого из двух писателей, определяющая их характерные «но» в оценках друг друга: «Чехов – он великий талант, но внутреннего содержания не было у него» – «Я Толстого знаю, кажется, хорошо знаю, и понимаю каждое движение его бровей, но все же я люблю его».

Благодаря этому книга оказывается чрезвычайно актуальной для нашего времени, когда, после крушения привычных идеологических устоев многие потянулись к религии как к чисто внешней опоре. Неразрешимая для Толстого загадка Чехова («со-

вершенный безбожник, но добрый») перекликается с сегодняшней проблемой – возможна ли нравственность без религии? Чехов являет собой пример, очевидно, более плодотворной для XX в. – века утраты абсолютов – внутренней личной самоорганизации на основе культуры. Непримируемый «латентный» спор Толстого и Чехова не затрагивает коренных духовно-нравственных ценностей, но касается путей к ним, принципов их утверждения. Соседство этих великих творческих личностей в одной, переломной для судеб России и всего мира, эпохе вырастает в большой исторический символ, необходимость осмысления которого делает очевидной новую книгу. Она безусловно явится ценным подспорьем для всех, кто изучает русскую литературу и вообще интересуется прошлым и настоящим нашей культуры.

О.Б. Кафанова

НОВАЯ КНИГА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА

Прошедший 1999 г. был богат юбилеями выдающихся деятелей культуры. Можно без преувеличения сказать, что весь мир праздновал 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина и 250-ю годовщину со дня рождения И.В. Гете. Поэтому неудивительно, что именно в этот год вышла книга Р.Ю. Данилевского «Пушкин и Гете. Сравнительное исследование». (С-пб.: Наука, 1999) 288 с.

Несмотря на то, что искушению сопоставить, сравнить двух великих писателей уступали многие историки литературы как в России, так и в Германии, до сих пор существовало только одно монографическое исследование на эту тему В.А. Розова («Пушкин и Гете». Киев, 1908). Таким образом, труд Р.Ю. Данилевского – первая и единственная «после-революционная» монография, посвященная всестороннему сопоставлению творчества великих представителей русской и немецкой литератур.

В своем предисловии автор пояснил, что содержание его книги составляет «сравнительное описание творческого мира двух гениальных преобразователей своих национальных литератур» (с. 6). Такая постановка проблемы определяет новаторский подход к избранной теме. Действительно, Р.Ю. Данилевский избрал довольно редкий тип сравнительно-исторического исследования. Он не ограничился только изучением литературных влияний, а исходил из «монистического» представления о Пушкине и Гете, т.е. «представления о каждом из этих двух гениев как о личности, едином и неповторимом творческом мире» (с. 13). Ставя вопрос о сходстве и различии между Пушкиным и Гете, автор стремился «поставить вопрос о сходстве и различии между на-

циональными культурами, создавшими этих поэтов и этими поэтами созданными» (с. 13).

Подобная задача «по плечу» далеко не каждому литературоведу. Для ее осуществления требуется не только солидная историко-литературная филологическая основательность, но и редко сочетаемый в одном лице профессионализм «русиста» и «германиста».

Р.Ю. Данилевский и является своего рода уникальным специалистом. Ученик академика М.П. Алексева, ведущий сотрудник сектора международных связей русской литературы Пушкинского Дома, он принадлежит к всемирно известной петербургской школе сравнительного литературоведения. Сфера его интересов разнообразна. Его работы по русско-немецким и русско-швейцарским литературным взаимосвязям широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Р.Ю. Данилевский автор нескольких монографий, среди которых «Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв.» (Л.: Наука, 1984, 276 с.); «Schiller in der russischen Literatur. 18. Jahrhundert bis erste Hälfte des 19. Jahrhunderts». (Dresden: University press, 1998. 365 S.)

Рецензируемая монография – убедительное доказательство того, что Р.Ю. Данилевский одинаково тонко и глубоко проникает в художественный космос как русского, так и немецкого писателя. Он охватывает фактически все творчество двух великих художников (привлекая даже их юношеские малоизвестные сочинения) и рассматривает его на разных уровнях – философском, эстетическом, этическом, жанрово-стилистическом. Исследователь каса-

ется важнейших понятий истории и историзма, единичного и всеобщего, творца и творчества, народа, свободы и природы человека, отмечая сходство и различие в их истолковании Гете и Пушкиным.

Поражает широчайший охват привлекаемого в книге материала, как художественного, так и литературоведческого; автор свободно ориентируется в огромном по объему гете- и пушкиноведении. При этом в ходе исследования он убедительно полемизирует с известными традиционными интерпретациями произведений. Например, тонкими наблюдениями и свежими нюансами он обогащает анализ романов «Страдания юного Вертера» и «Евгений Онегин», углубляет представление о философском звучании финала «Фауста» и этической сущности одноименного главного героя.

Так, приведенные в книге примеры разных интерпретаций «Фауста» позволяют увидеть в произведении новые уровни, явно не предусмотренные автором. Р.Ю. Данилевский показал, что в переводе Б. Пастернака картина строительства на морском берегу наполнилась российскими реалиями 1930-х гг., и «фаустовский канал сблизается с пресловутым Беломорско-Балтийским каналом сталинского времени» (с. 205). А в контексте трагедии Германии, пережившей крах национал-социализма и поражение во второй мировой войне, история главного героя трактовалась как «полное нравственное фиаско» (с. 208). «Это, — справедливо утверждает исследователь, — доказывает неумирающую продуктивность поэмы-трагедии Гете, а с другой — еще и еще раз делает сомнительным приложение жесткого морального критерия к судьбе и кончине гетевского персонажа» (с. 209). Нельзя не согласиться с выводом Р.Ю. Данилевского о том, что идеи и образы Гете и Пушкина представляют собой разомкнутые системы, «части живого, неосуществленного до конца гармонического целого» (с. 216).

Самая объемная глава книги (VII) называется «Мир прозы Пушкина и Гете». Скрупулезно проследившая творческую эволюцию двух художников, уче-

ный устанавливает их движение к эпосу, жанру романа и повести. Между тем проза зрелого Гете, по его наблюдению, отличается рациональностью, в то время как у Пушкина она ориентирована на «естественность».

Как и всякое серьезное исследование, монография Р.Ю. Данилевского приглашает к размышлению, диалогу. Развитие русского романа ученый связывает с пушкинской традицией «показывать жизненные обстоятельства», тогда как в немецкой прозе середины XIX в., по его мнению, преобладало свойственное Гете «изложение фабулы с поучительной мыслью («тенденцией»)» (с. 277). Этому тезису сопротивляется мощное авторское «я» в прозе Л.Н. Толстого (что, кстати, замечает и сам автор) и нравоучительный пафос эпического повествования Н.С. Лескова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Возможно, что и И. Тургенев-прозаик не всегда оставался в границах «пушкинской школы». Субъективное авторское начало временами прорывается то в «Рудине», то в «Дворянском гнезде» или в его повестях. Впрочем, отличительной чертой тона самого Р.Ю. Данилевского является деликатность, отсутствие безапелляционных утверждений и какого-либо «давления» на читателя. Автор как бы соединяет повествовательные традиции Пушкина и Гете (насколько это возможно в научном исследовании), с одной стороны, заставляя говорить за себя достоверные факты и материалы, а с другой — скрепляя их сквозной идеей, своими замечаниями и уточнениями.

Р.Ю. Данилевского отличает безукоризненное чувство стиля. Не случайно почти все используемые немецкоязычные тексты (как прозаические, так и стихотворные) даются им в собственном переводе, более точно передающем стилистику и ритмику подлинника, чем существующие русские переводы. Присущий автору академизм счастливо сочетается с простотой и изяществом изложения мысли.

Монография несомненно привлечет внимание филологов, историков культуры, учителей-словесников, студентов гуманитарных факультетов.